

А. Д. ЗАЙДМАН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ

«ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» И «ДОМА ИСКУССТВ» (1919—1921 годы)

Издательство «Всемирная литература» было одним из крупнейших культурных начинаний М. Горького в первые годы советской власти. Планы будущего издательства вынашивались им уже с середины 1918 года. «Собираюсь работать с большевиками, на автономных началах», — писал он летом 1918 года Е. П. Пешковой,¹ имея в виду свои редакционно-издательские планы.

20 августа 1918 года заключается «Договор между А. М. Горьким, А. Н. Тихоновым, З. И. Гржебиным и И. П. Ладыжниковым об организации издательства „Всемирная литература“»,² а 4 сентября того же года по поручению вновь созданного издательства М. Горький подписывает «Договор между Народным Комиссариатом просвещения и литературно-издательской группой об организации издательства „Всемирная литература“».³ В этих документах были сформулированы принципы работы «Всемирной литературы» и определена роль писателя в деятельности всего издательства:

«1. А. М. Пешков берет на себя обязанность образовать под своим руководством при Комиссариате народного просвещения издательство „Всемирная литература“ для перевода на русский язык, а также для снабжения вступительными статьями, примечаниями и рисунками и вообще для приготовления к печати избранных произведений иностранной художественной литературы конца XVIII и всего XIX в.; Комиссариат народного просвещения обязуется на свой счет все эти произведения издать».

И далее:

«4. Литературно-издательская группа в лице А. М. Пешкова в осуществлении своих задач пользуется полной автономией. А. М. Пешкову, а также его доверенным лицам предоставляется право заключать от имени издательства „Всемирная литература“ всякие договоры и обязательства, относящиеся, по их мнению, к деятельности издательства. А. М. Пешкову предоставляется полная свобода в организации издательства, как-то: в выборе подлежащих изданию книг, в установлении их тиража, в определении характера вступительных статей и примечаний, а также в выборе сотрудников, авторов, переводчиков и служащих издательства и в установлении размера и порядка их вознаграждения в пределах общей сметной ассигновки».⁴

За короткий срок М. Горький привлек к работе издательства только в редакционный отдел свыше 350 сотрудников, возглавил деятельность коллегии экспертов по составлению каталога издательства, взял на себя все заботы по редактированию и печатанию книг корифеев литературы, творивших от Великой французской революции до Октября 1917 года. «Каталог издательства „Всемирная литература“» представлял обширную историко-литературную хрестоматию от Вольтера до Анатolia Франса, от Ричардсона до Уэллса, от Гете до Гауптмана. В предисловии к каталогу М. Горький отмечал: «Создавая такое ответственное и огромное культурное дело в первый же год своей деятельности, в условиях невыразимо тяжелых, — русский народ имеет право сказать, что он ставит себе самому памятник, достойный его».⁵

«Всемирная литература» была в центре внимания М. Горького; он считал, что издательство является тем фактом «из области государственного творчества Советской власти», которым может гордиться молодая республика.

Писатель постоянно информировал В. И. Ленина о ходе работ в издательстве, просил помочь в возникавших материальных трудностях, обращал его внимание на важность предпринятого культурного дела. В одном из писем к В. И. Ленину М. Горький сообщал: «На днях закончим печатание перечня книг, предположенных к изданию „Всемирной литературой“. Я думаю, что не худо будет перевести эти списки на все европейские языки и разослать их в Германию, Англию, Францию, скандинавские страны и т. д., дабы пролетарии Запада, а также Уэллсы и разные Шейдемань видели воочию, что российский пролетариат не токмо варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди, и что он в са-

¹ Архив А. М. Горького, т. IX. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 207—208.

² Там же, т. X, кн. 1. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 16—17.

³ Там же, стр. 17—18.

⁴ Там же.

⁵ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном Комиссариате по просвещению. Вступ. статья М. Горького. Пб., 1919, стр. 10. Каталог был составлен на русском, французском, английском и немецком языках.

мых гнусных условиях, какие только можно представить себе, сумел сделать в год то, до чего им давно бы пора задуматься».⁶

Широкая программа деятельности горьковского издательства нуждалась в хорошо подготовленных специалистах. Перед редакционной коллегией издательства сразу же встал вопрос о подготовке кадров переводчиков и редакторов. Издательство испытывало большие трудности, несмотря на то, что М. Горькому удалось привлечь к работе многих видных писателей и литераторов. В отчете издательства «Всемирная литература» за 1919 год говорилось: «Во главе Издательства стоит литературно-издательская группа в лице М. Горького, З. И. Гржебина, И. П. Ладыжникова, А. Н. Тихонова. Общее редакционное руководство лежит на редакционной коллегии экспертов, состоящей из проф. Ф. Д. Батюшкова, А. А. Блока, проф. Ф. А. Брауна, А. Л. Волынского, Е. И. Замятина, М. Горького, Н. С. Гумилева, А. Я. Левинсона, М. Л. Лозинского, А. Н. Тихонова и К. И. Чуковского».⁷ В этом же документе отмечалось, что «в трудах издательства принимают деятельное участие» Ю. Н. Айхенвальд, А. В. Амфитеатов, К. Д. Бальмонт, А. Н. Бенуа, В. Я. Брюсов, О. М. Гершензон, З. Н. Гиппиус, П. П. Гнедич, В. М. Жирмунский, Вяч. Иванов, А. Ф. Кони, М. А. Кузмин, А. И. Куприн, М. Л. Лозинский, А. В. Луначарский, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, М. Цветаева, Б. М. Эйхенбаум и др.⁸

Для перевода и редактирования литератур стран Востока издательство пригласило академиков С. В. Ольденбурга, Б. А. Тураева, А. А. Шахматова, П. К. Ковцева, Н. Я. Марра, профессоров И. Ю. Крачковского, В. М. Алексеева, И. А. Орбели, В. Г. Богораза и других специалистов.⁹

Горькому во «Всемирной» приходилось работать с людьми разной политической ориентации и литературной квалификации. К. И. Чуковский в своих воспоминаниях рассказал о том, как М. Горький решал проблему воспитания кадров для издательства. «Тут требовались обширные кадры квалифицированных мастеров-переводчиков, — писал Чуковский. — Но кадров этих не было, и их предстояло создать». «По предложению Алексея Максимовича было поручено профессору Батюшкову, поэту Гумилеву и мне сделать в нашей коллегии доклад, где были бы сформулированы хотя бы в самых общих чертах те минимальные требования, каким в настоящее время должен удовлетворять перевод, притязающий на почетное именованье художественного».¹⁰ В результате коллективной работы в 1919 году была выпущена брошюра «Принципы художественного перевода» (в 1920 году вышло ее второе, дополненное издание со статьями Ф. Батюшкова — «Задачи художественных переводов» и «Язык и стиль», К. Чуковского — «Переводы прозаические», Н. Гумилева — «Переводы стихотворные»). Однако выпуск брошюры не решал всей суммы вопросов, связанных с переводами различных зарубежных писателей. Это хорошо понимали руководители издательства. В уже цитировавшемся отчете за 1919 год подчеркивалось: «На первых же порах работники „Всемирной литературы“ оказались лицом к лицу с чрезвычайными затруднениями: невыработанностью методов и недостаточностью литературных сил. Искусство перевода до наших дней оставалось в России промыслом кустарным, лишенным теоретических основ и традиций. Выпущенная издательством брошюра К. И. Чуковского и Н. С. Гумилева о „Принципах художественного перевода“ стихов и прозы могла лишь частично восполнить этот пробел. Выяснилось, что вопрос о технике перевода неразрывно связан с общими вопросами литературного творчества, поэтикой, стилистикой, ритмикой, метрикой, историей литературы, языковедением. В то же время у руководителей издательства создалось убеждение, что лишь путем эмпирическим, путем совместной работы над методами анализа и созидания стихов и прозы — может быть создан кадр сознательных работников. Отсюда возникла мысль о „Литературной студии“, мастерской, не столько школы, сколько лаборатории. Задача ее не умозрительная, а действительная: добытые теоретические данные приложить к практической работе над переводами иностранной литературы».¹¹

⁶ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29, Гослитиздат, М., 1955, стр. 388.

⁷ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 78.

⁸ Там же, стр. 78—79.

⁹ Там же, стр. 79.

¹⁰ Корней Чуковский. Из воспоминаний. «Советский писатель», М., 1959, стр. 218, 219.

¹¹ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 79. Издательству «Всемирная литература» уделено значительное место в горьковедческих монографиях К. Д. Муратовой (М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958), А. А. Волкова (А. М. Горький и литературное движение советской эпохи. «Советский писатель», М., 1958), Е. И. Наумова (М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей. Гослитиздат, М., 1958) и др., в специальных статьях Р. М. Самарина (А. М. Горький и «Всемирная литература» «Вестник МГУ», серия VII, 1963, № 1), И. А. Шомраковой (Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918—1924). В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. XIV. М., 1967), однако в отмеченных работах деятельность студии «Всемирной литературы» не получила должного освещения.

Студия «Всемирной литературы» начала работать с февраля 1919 года¹² и открыла свои двери всем, кто желал усовершенствовать знания в области искусства перевода художественной литературы. «Студия приступила к работе еще в феврале этого года, — читаем в отчете издательства. — Постоянные семинарии велись Н. С. Гумилевым, А. Я. Левинсоном, М. Л. Лозинским, В. А. Чудовским. Отдельные лекции были прочтены К. И. Чуковским и Е. И. Замятиным. Результаты опыта оказались столь ценными, что Студия решила продолжать свою работу в более широком масштабе».¹³

О начальном этапе деятельности Студии К. И. Чуковский писал в своих воспоминаниях: «При издательстве была создана Студия художественного перевода (на Литейном проспекте, в бывшем доме Мурузи). Руководить этой Студией было поручено мне... С переводчиками — молодыми и старыми — велись практические занятия, на которых в первое время нередко присутствовал Горький.

В день открытия Студии он обратился к слушателям со следующим посланием, которое я и прочитал им, по его просьбе, перед началом занятий:

„Мне кажется, что в большинстве случаев переводчик начинает работу перевода сразу, как только книга попала ему в руки, не прочитав ее предварительно и не имея представления о ее особенностях.

Но и по одной книге, — даже в том случае, если она хорошо прочитана, — нельзя получить должного знакомства со всей сложностью технических приемов автора и его словесных капризов, с его музыкальными симпатиями и характером его фразы, — со всеми приемами его творчества...

Следует читать все, что написано данным автором или же — по крайней мере — хотя бы все его книги, признанные лучшими публикой и критикой, не забывая однако, что лучшее это только то, что нравится нам, понято нами и что есть немало книг в свое время не понятых, однако — прекрасных...

Переводчик должен знать не только историю литературы, но также историю развития творческой личности автора, — только тогда он воспроизведет более или менее точно дух каждой книги в формах русской речи.

Требование — тяжелое, однако — необходимое».¹⁴

М. Горький столь же внимательно относился к деятельности Студии, как и к работе всего издательства. Работники Студии финансировались наряду с другими сотрудниками издательства,¹⁵ Горький нередко приходил на занятия Студии, иногда выступал перед студийцами. Так, в сентябре 1919 года он прочел в Студии доклад о необходимости создания нового репертуара для театра и кинематографа.¹⁶

Горьковские напутствия студийцам и опыт работы Студии в первые месяцы потребовали расширения ее программы. Необходимо было ознакомить студийцев с историей и теорией литературы. Выработанная программа была обширна, и руководители издательства решили увеличить число студийцев. В отчете говорилось: «Доныне в состав работников Студии входили исключительно переводчики — сотрудники издательства, но разрабатываемые вопросы имеют значение столь общее и захват столь широкий, что Студия впредь решила открыть свои двери всем стремящимся к изучению и созиданию литературы».¹⁷

О разработке расширенной программы сообщалось в печати.¹⁸

На летний триместр Студией была намечена следующая программа занятий, сообщенная в Наркомпрос:

«I. Поэтическое искусство

Курсы:

1. Теория поэзии. 2. История поэзии. 3. История поэтики. 4. Ритмика русская и иностранная. 5. Сравнительная мифология. 6. Европейская поэзия в XIX и XX вв. 7. Русская поэзия в XIX и XX вв.

II. Искусство прозы

1. Теория литературы: а) стилистика, б) ритмика, в) композиция. 2. История литературы. 3. История учений о литературе. 4. Очерк развития литературных жанров: а) роман и повесть, б) драма. 5. Фонетика русского языка. 6. Семантика. 7. Европейская литература XIX и XX вв.

¹² «Жизнь искусства», 1919, № 72, 6 февраля.

¹³ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 79.

¹⁴ Горней Чуковский. Из воспоминаний, стр. 224—225.

¹⁵ См.: Книга жалования издательства «Всемирная литература», ноябрь 1918 года—сентябрь 1919 года. Ленинградский государственный архив литературы и искусства, ф. 2968, оп. 1, ед. хр. 1, л. 54.

¹⁶ «Жизнь искусства», 1919, № 251, 25 сентября.

¹⁷ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 79—80.

¹⁸ «Известия», 1919, № 126, 13 июня.

III. Критика

1. Методология литературной критики.
2. История литературных идей.
3. Источниковедение.
4. Европейская критика XIX и XX вв.
5. Русская литература в XIX и XX вв.

Семинарии

А) Поэтическое искусство: 1) по созданию поэтических произведений; 2) по переводу стихов; 3) по разбору стихов.

Б) Искусство прозы: 1) по созданию прозаических произведений; 2) по технике художественного перевода: а) с французского языка, б) с английского языка, в) с немецкого языка; 3) по литературному разбору.

В) Критика: 1) по составлению литературных характеристик; 2) по составлению биографических и библиографических очерков.¹⁹

В качестве лекторов указывались: В. А. Алексеев, Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, Е. М. Браудо, Ф. А. Браун, А. Л. Волынский, М. Горький, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, А. Я. Левинсон, М. Л. Лозинский, С. Ф. Ольденбург, К. И. Чуковский, В. К. Шилейко, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум. В качестве руководителей практических занятий — В. М. Алексеев, Н. С. Гумилев, Ю. Н. Данзас, Е. И. Замятин, А. Я. Левинсон, М. Л. Лозинский, К. И. Чуковский и др.²⁰

В личном архиве К. И. Чуковского сохранилось объявление Студии «Всемирной литературы», состоящее из двух разделов.²¹ В объявлении оповещалось о начале занятий по вышеуказанной программе в учебном отделе Студии (Литейный проспект, д. 24), а также о цикле публичных лекций на тему «Всемирная литература XIX и XX веков», который должен был читаться в просветительном отделе Студии (б. Аничков дворец). Учебные занятия начались 10 июня 1919 года.

Образование Студии при издательстве «Всемирная литература» вызвало большой интерес у тех, кто стремился овладеть тайнами литературного творчества. По свидетельству М. Л. Слонимского,²² в различных семинарах Студии занималось свыше 200 человек. О своем приходе в Студию В. С. Познер в воспоминаниях о М. Горьком пишет: «Был издан каталог „Всемирной литературы“ с предисловием М. Горького, включавший 3 тысячи шедевров. Встал вопрос: кто будет переводить... Отец сказал как-то, что открылась Студия переводчиков при „Всемирной литературе“. Я побежал туда и узнал, что преподают там те люди, которые бывали у Горького. В Студии мало обращали внимания на 15-летних, но мой французский язык стоил больше, чем у дипломированных переводчиков. Это было принято во внимание... Мальчики и девочки начали переводить. Эти мальчики и девочки хотели творить сами... Скоро стало очевидно, что ученики Студии обладают бесспорными талантами... Основатели и директора Студии образовали из них отдельную группу и принялись развивать их литературные способности».²³

«В нашу Студию художественного перевода, — пишет К. И. Чуковский, — нахлынуло множество слушателей, и среди них оказалось немало таких, которые и не думали стать переводчиками. Это были начинающие авторы; они несколько не интересовались переводами, а жаждали писать свои собственные рассказы, статьи и стихи».²⁴

Практически семинарии Студии больше были творческими, чем переводческими. Молодые авторы наиболее плодотворно трудились над переводами в семинарах Н. С. Гумилева (в этом семинаре были успешно сделаны коллективные переводы стихотворений Э. По, С. Малларме, Г. Гейне)²⁵ и М. Л. Лозинского, где группа молодых поэтов осуществила ряд переводов сонетов Эредиа (два из них были опубликованы в журнале «Дом искусств»),²⁶ в этом же семинаре были созданы тонкие и точные переводы стихов Байрона и других поэтов.²⁷ Руководители этих семинаров справедливо считали, что «при совместной работе нескольких поэтов над переводом иностранного текста во много раз увеличивается число возникающих в сознании сочетаний, и при правильном использовании получаемых вариантов при-

¹⁹ Там же. См. также: ЦГАОР, ф. 395, оп. 6, ед. хр. 27, л. 270.

²⁰ ЦГАОР, ф. 395, оп. 6, ед. хр. 27, л. 271.

²¹ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ), ф. 620, папка «Дом искусств», конверт № 7.

²² Сообщено М. Л. Слонимским автору статьи в апреле 1965 года.

²³ V. P o z n e r. *Souvenirs sur Gorki*. Paris, 1957, pp. 45—46.

²⁴ Корней Чуковский. Из воспоминаний, стр. 231.

²⁵ ГБЛ, ф. 620, папка «Дом искусств», конверт № 1.

²⁶ «Дом искусств», 1921, № 1, стр. 68.

²⁷ ГБЛ, ф. 620, папка «Дом искусств», конверт № 1.

ближение к идеальному решению будет во много раз ближе, чем при переводе единоличном, когда поэт, ограниченный своими только силами и опытом, принужден орудовать меньшим количеством комбинаций и в меньшей мере располагает средствами родного языка».²⁸

Молодых писателей, пришедших в Студию, привлекали творческие семинары К. И. Чуковского, В. Б. Шкловского и Е. И. Замятина.

В настоящее время мы располагаем наибольшими сведениями о работе критического семинара, которым руководил К. И. Чуковский, так как в его архиве сохранились работы студийцев. Они позволяют судить и о разнообразии тематики критических работ («Эпитеты Бунина», «О поэзии Надсона», «О Б. Зайцеве» и др.), и о степени литературного мастерства студийцев, и о влиянии на них личности руководителя. Наибольший интерес представляют критические наброски студийцев о поэтах-современниках: Е. Полонской — «Вл. Маяковский» (29 июля 1919 года)²⁹ и М. Зощенко — «О Владимире Маяковском» (в двух вариантах, оба относятся к 1919 году), его же статья «Конец рыцаря печального образа. (О поэзии А. Блока)», датированная 7 августа 1919 года.³⁰

Обращение студийцев Полонской и Зощенко к творчеству Маяковского не случайно. Руководитель семинара К. И. Чуковский как раз в это время работал над статьёй «Две России (Ахматова и Маяковский)»,³¹ и, по-видимому, отношение учителя к молодому поэту не могло не передаваться студийцам. В студийных набросках Зощенко о Маяковском есть прямые переклички с мыслями учителя.

У Чуковского: «Маяковский поэт движения, динамики, вихря... Как будто специально для него началась война, а потом революция. Без войны и революции ему было никак невозможно. Как же быть поэту катастроф — без катастроф? Весь его литературный организм приспособлен исключительно для этих сюжетов... Именно для этих сюжетов нужен тот гиперболический стиль, тот гигантизм, то тяготение к огромностям, которые органически присущи ему». «В лучших, вдохновеннейших его вещах чувствуется митинговый оратор. Я говорю это отнюдь не в порицание. Он поэт-горлан, поэт-крикун, уличный, публичный поэт, — это мне нравится в нем больше всего».³²

У Зощенко: «Он вдохновенный — не поэт, а глашатай. Он вдохновенный для улицы и народной толпы... Он гениальнейший поэт разрушения. Он совершеннейший „тринадцатый апостол“. Но отчего так заворожил меня гениальный поэт безвременья? Я долго не знал. И только однажды, когда я встретил поэта не на Большой Проломной и не на перекрестке улиц, а в буржуазной гостиной, и когда я услышал его, я понял. Он заворожил меня огромной своей силой, волей к разрушению, идеей физической силы. Так привыкли мы к манерной поэзии Северянина, к прекрасной Гишпиус, к прекрасным строчкам Зайцева, нам поистине удивительна огромная воля к жизни поэта после умирания, пустоты отчаяния и непротивления. Он гениален...»³³

Студиец Зощенко высоко ценит талант Маяковского как поэта нового времени, творящего для улицы, для народа.

Более самостоятельно проявляет себя Зощенко в анализе творческого перелома в поэзии А. Блока (статья «Конец рыцаря печального образа»). В начале статьи молодой критик задает вопрос: почему ныне, в годы революции, поэт не поехал в свое родовое имение, а перешел на Большую Рыбацкую улицу, вызвав тем самым смуту и отчаяние у парнасцев, так как ничего не взял с собой из старого мира, «даже прекрасную свою Даму, даже таинственную Незнакомку оставил „без Спутника“»? Молодой Зощенко, естественно, не смог вскрыть глубоких причин перелома в творчестве А. Блока, ставшего певцом Октябрьской революции в поэме «Двенадцать», но личный опыт человека, порвавшего с привычной средой и принявшего революционные завоевания, помог ему высказать ряд ценных суждений о том, что новое время требует и новых форм в искусстве. По мысли Зощенко, новое слово в литературе сказали не пролеткультовцы, столь много кричавшие о пролетарской поэзии и пролетарском искусстве, а автор стихов о Прекрасной Даме, одним из первых услышавший «музыку революции». «Ал. Блок написал поэму „Двенадцать“ о новом Петербурге после Октября 17 года, — читаем у Зощенко. — И в этой героической поэме казалось все новым от идеи до слов». Однако в студии Зощенко, видимо, читал иную статью о Блоке. В воспоминаниях о писателе Чуковский пишет: «Своевольным, дерзким своим рефератом, идущим наперекор нашим студийным установкам и требованиям, Зощенко сразу выделился из массы своих сотоварищей.

²⁸ «Дом искусств», 1921. № 1, стр. 67.

²⁹ ГБЛ, ф. 620, папка «Дом искусств», конверт № 3.

³⁰ Личный архив В. В. Зощенко.

³¹ Доклад на эту тему был прочитан им в Доме искусств несколько позднее, в сентябре 1920 года, а текст был опубликован в журнале «Дом искусств» (№ 1).

³² «Дом искусств», 1921, № 1, стр. 33, 34.

³³ Личный архив В. В. Зощенко.

Здесь впервые наметился его будущий стиль: он написал о поэзии Блока вульгарным слогом заядлого пошляка Вовки Чучелова, физиономия которого стала впоследствии одной из любимейших масок писателя. Тогда эта маска была для нас литературной новинкой, и мы приветствовали ее от души». ³⁴

К. И. Чуковский с большой любовью относился к своим питомцам: «Студисты были милый народ, и я вспоминаю о них с удовольствием. Все они так явственно стоят предо мною, словно я видел их только вчера». ³⁵ Много теплых слов в его воспоминаниях сказано о коммунисте Глазанове — почитателе таланта Уитмена, Блока и Блейка, который был убит осенью 1919 года под Питером в боях с Юденичем; о страстном спорщике и весельчаке Л. Лунце; о самом молодом, пятнадцатилетнем студийце-насмешнике В. Познере, знавшем наизусть стихи Маяковского, Гумилева, Мандельштама, Ахматовой; о молчаливом, печальном и замкнутом агенте уголовного розыска М. Зоценко, поражавшем всех чудодейственной силой заразительного смеха, и некоторых других. В семинаре Чуковского всегда царила атмосфера творческого поиска, привлекавшая много молодежи.

Не менее увлекательно проходили занятия и в других семинарах. У Шкловского студийцы изучали теорию сюжета, у Замятина занимались анализом прозы и т. д. При этом каждый руководитель стремился навязать молодежи свой собственный литературный канон. «Мудрено ли, — замечает Чуковский, — что в первый же месяц студисты разделились на враждебные касты: шкловитяне, гумилевцы, замятинцы. И все эти разнородные касты без конца сражались меж собой». ³⁶

После летнего оживления жизнь в Студии стала замедляться. Многие студийцы ушли на фронт; другие, не вынеса разлуки и голода, предпочли покинуть Петроград; иным просто наскучили занятия. Ряды студийцев поредели, остались только по-настоящему увлеченные литературным трудом. Видимо, к этому времени относятся следующие слова Горького: «В „Студии“ собралось человек сорок молодежи; руководителями ее выступили члены редакционной коллегии „Всемирной литературы“: новеллист Евгений Замятин, хороший знаток русского языка; критик Корней Чуковский, филологи Лозинский, Шилейко, Шкловский и талантливый поэт Николай Гумилев». ³⁷

Литературная студия при «Всемирной» работала с февраля до декабря 1919 года. С открытием «Дома искусств» в бывшем купеческом особняке Елисеева (Мойка, 59), состоявшимся 19 декабря 1919 года, Студия «Всемирной литературы» перенесла свою работу во вновь открытый творческий клуб и стала уже именоваться Литературной студией «Дома искусств». ³⁸ Изменились и ее задачи, однако преемственная связь с первой студией сохранилась.

«В новую Студию, — отмечал журнал «Дом искусств», — вошло большинство преподавателей Студии „Всемирной литературы“. Общее руководство было поручено К. И. Чуковскому. В Студии читались и читаются следующие курсы: Н. Гумилев — „Драматургия“; А. Белый — „Ритмика“; А. З. Штейнберг — „Эстетика“; В. М. Жирмунский — „Теория поэзии“; В. Шкловский — „Теория сюжета...“; Б. М. Эйхенбаум — „Толстой...“». ³⁹ Интересы студийцев были направлены главным образом на самостоятельную работу. Помощь им Студия считала своей первоочередной задачей. С этой целью в ней велись практические занятия по технике художественной прозы (Евг. Замятин); по поэтике (Н. Гумилев); по переводам стихов (М. Л. Лозинский) и прозы (А. Я. Левинсон) и др. ⁴⁰

В одном из писем конца 1920 года К. И. Чуковский писал М. Горькому: «Наш „Дом искусств“ показал уже, что мы действительно работоспособны. Я создал Литературную студию, организовал публичные лекции, хорошую библиотеку, объединил ценные кадры литературных работников, привлек к Дому искусств молодежь, Познера, Одоевцеву, Лунца и др.». ⁴¹

Просветительная программа Студии «Всемирной литературы» практически была осуществлена только с открытием «Дома искусств». В первой половине 1920 года (с января по май) были организованы циклы историко-литературных докладов и публичных литературных вечеров, в частности вечер памяти Л. Андреева, вечера поэтов (А. Блока, Н. Гумилева и др.), лекции и выступления: М. Горького — «Воспоминания о Л. Толстом», Б. М. Эйхенбаума — «Молодой Толстой», А. Ф. Коня — «Воспоминания о Тургеневе, Л. Толстом, Достоевском, К. Чуковском», О. творчестве Некрасова, о последних произведениях М. Горького, И. И. Лапшина — «Эстетика Достоевского», В. М. Жирмунского — «Современная поэзия», А. В. Амфитеатрова — о творчестве Салтыкова-Щедрина и др.

³⁴ Корней Чуковский, Собрание сочинений в шести томах, т. II, изд. «Художественная литература», М., 1965, стр. 492.

³⁵ Там же, стр. 487.

³⁶ Там же, стр. 499—500.

³⁷ «Литературное наследство», т. 70, 1963, стр. 561.

³⁸ «Дом искусств», 1921, № 1, стр. 68, 70.

³⁹ Там же, стр. 70.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Архив Горького.

В сентябре 1920 года стали проводиться публичные вечера «Дома искусств», на которых не только читались лекции и доклады по литературным вопросам, но и обсуждались искусствоведческие проблемы (например, доклады Н. Н. Евреинова — «Театр и эшафот», А. Амфитеатрова — «Великие трагики (России и Сальвини)», К. Миклашевского «Конкуренция или синтез искусств в театре» и др.).⁴²

«Дом искусств» широко представлял на своих вечерах молодых литераторов; здесь в конце 1920 года читал свою поэму «150 000 000» Вл. Маяковский, здесь была прослушана новая повесть «Алые паруса» А. Грина, здесь же в 1921 году познакомили слушателей со своими рассказами молодые писатели М. Слонимский («Дикий»), Л. Лунц («В пустыне»), В. Каверин («Хроника города Лейпцига»), М. Зощенко («Рыбья самка»), Н. Никитин («Мокей»), Вс. Иванов («Синий зверюшка»), К. Федин («Конец мира»).⁴³

Студия «Дома искусств» немало сделала для литературного воспитания молодых переводчиков, прозаиков, поэтов и критиков. К. Федин не был студийцем, но однажды получил там урок, заставивший его, уже печатавшегося литератора, всерьез задуматься над смыслом и назначением литературного творчества. «Я пережил единственное студийное занятие, оставшееся в моей памяти, — пишет автор книги «Горький среди нас». — Произошло это в Доме искусств, среди довольно разнообразной публики... Корней Иванович Чуковский сделал перед студийцами анализ рассказа никому не известного начинающего автора. Анализ был шедевром, достойным, в свою очередь, студийного изучения, как образец критического разбора. Единственным недочетом разбора был, пожалуй, чуть крупноватый калибр пушек, из которых расстреливался воробей... Воробьем этим был я, а произведением, подвергнутому разбору, был тот самый рассказ, о котором Горький сказал, что Чехов сделал бы из него шесть страничек... И вот я сидел среди смеющихся надо мною людей и думал только о том, чтобы они не узнали во мне воробья. Но Чуковский проявил настоящее великодушие, ни разу не поведя взглядом в мою сторону, и, когда свертывал операцию и его батарее замолкли, сказал с проникновенным чувством:

— Я только удивляюсь, как этот автор, уже не раз печатавшийся, мог сочинить подобный рассказ...

Кое-как выбравшись из зала, я вернулся домой с ощущением, будто меня чудом вынули из-под трамвая. Отлеживаясь и приходя в себя, я изучал урок...»⁴⁴

Однако познание литературных приемов под руководством маститых учителей не спасало от творческого бесплодия тех, у кого не было богатого жизненного опыта. Большинство студийцев не стало профессиональными литераторами, за исключением небольшой группы слушателей Студии, составившей впоследствии ядро литгруппы «Серapiоновы братья».

Как известно, «Серapiоновы братья» организационно оформились 1 февраля 1921 года.⁴⁵ С этого времени, видимо, «серapiоны» перестают посещать Студию «Дома искусств», хотя субботние встречи вновь созданной группы проходили в том же помещении, а бывшие студийные учителя были частыми гостями этих собраний.

Образование самостоятельной литгруппы «Серapiоновы братья» в какой-то мере определило характер дальнейшей деятельности Студии, однако более всего здесь сказалась, очевидно, перестройка работы издательства «Всемирная литература», которое с 1 января 1922 года переходит на хозрасчет. В связи с этим в центре внимания редакционной коллегии оказывается забота о продаже и распространении изданных книг, углубленная переводческая деятельность издательства значительно сокращается, редакционная работа сосредоточивается на рукописях, идущих в печать. Возможно, вследствие изменившихся задач издательства после 1921 года в Студии прекращаются занятия по развернутым программам. В 1922—1924 годах (второй этап деятельности издательства) в ней, по существу, работают лишь переводческие семинары. Об этой стороне работы Студии писал заведующий «Всемирной литературой» А. Н. Тихонов. В докладе, датированном 19 апреля 1923 года, он отмечал: «Деятельность студии продолжается и в настоящее время. В студии производятся опыты коллективного перевода...»⁴⁶

В эти годы работа Студии уже не имела того размаха, того резонанса, который был характерен для ее деятельности в 1919—1921 годах.

⁴² По материалам хроники журнала «Дом искусств» (1921, № 1, стр. 70).

⁴³ ГБЛ, ф. 620, папка «Дом искусств», конверт № 1.

⁴⁴ Конст. Федин. Горький среди нас. Изд. «Молодая гвардия», М., 1967, стр. 50—51.

⁴⁵ «Литературные записки», 1922, № 3, стр. 25.

⁴⁶ Архив А. М. Горького, т. X, кн. 1, стр. 21.